

могли задеть сущность его. Ибо Государство не есть отрицание, но, наоборот, освящение и юридическая организация всех естественных прав, откуда следует, что если бы оно нападало на них в самой сущности в основе их, то оно разрушало бы само себя. *(Оно всегда гарантирует то, что находит: одним – их богатство, другим – их бедность; одним – свободу, основанную на собственности, другим – рабство, неизбежное следствие их нищеты; и оно заставляет нищих вечно работать и в случае надобности умирать для увеличения и сохранения богатства, которое является причиной их нищеты и их рабства. Такова истинная природа и истинная миссия государства.)*

То же самое и с семьей, которая вообще неразрывно связана как принципиально, так и фактически с частной и наследственной собственностью. Власть супруга и отца составляет естественное право. Общество, представляемое Государством, юридически санкционирует эту власть. Но в то же время оно ставит некоторые границы естественной власти того и другого, чтобы спасти другое естественное право – право¹ индивидуальной свободы подчиненных членов семьи, то есть матери и детей. И именно ставя ей эти границы, оно освящает ее, превращает ее в юридическое право и дает власти мужа и отца силу закона. Эта система рассматривает юридическую семью, основанную на этом двойном авторитете и на юридически наследственной собственности, как существенную основу всякой нравственности, всякой человеческой цивилизации и государства.

Она рассматривает Государство как божественное учреждение в том смысле, что оно было основано и последовательно развивалось с начала истории благодаря божественному объективному разуму, который присущ человечеству, рассматриваемому как одно целое, исторические индивиды ко-его, содействовавшие его основанию или его развитию, были лишь божественно вдохновенными истолкователями этого божественного разума. Она рассматривает Государство как неизбежную, постоянную, единственную, безусловную форму коллективного существования людей, то есть общества; как высшее условие всякой цивилизации, всякого человеческого прогресса, справедливости, свободы, общего благополучия – одним словом, как единственное возможное осуществление человечности. *(И, однако, очевидно, как я это докажу позже, что Государство есть вопиющее отрицание человечности.)*

Представляя общественный разум, общественное благо и всеобщее право, высший орган как материального, так и интеллектуального и морального коллективного развития общества, Государство должно быть вооружено по отношению ко всем индивидам большим авторитетом и чудовищной силой. Но из самого принципа Государства вытекает, что этот авторитет, эта сила не могут стремиться к разрушению естественного права людей без того, чтобы не разрушить свой объект и свою основу. Если Государство видоизменяет и ограничивает отчасти естественную свободу каждого индивида, так это лишь для того, чтобы еще больше ее усилить гарантией того коллективного могущества, единственным законным представителем которого оно является, а также лишь для того, чтобы санкционировать ее, цивилизовать – одним словом, превратить ее в юридическую свободу. Естественная свобода – свобода диких; юридическая свобода одна достойна цивилизованных людей. Государство, следовательно, есть в некотором роде церковь современной цивилизации, и адвокаты – ее священники. Откуда следует с очевидностью, что лучшее правительство есть правительство адвокатов.

В политической и юридической свободе, организация которой составляет собственно цель Государства, объединяются два основных принципа всякого человеческого общества – принципы, которые кажутся абсолютно противоположными вплоть до взаимного исключения друг друга и которые, однако, настолько неотделимы один от другого, что один не мог бы существовать без другого: принцип власти и принцип свободы. *(Да, они так хорошо объединены в государстве, что первый всегда разрушает второй, и что там, где он оставляет его существовать частично в пользу какого-либо меньшинства, это уже больше не свобода, а привилегия. Государство, следовательно, превращает то, что принято называть естественной свободой людей, в рабство для всех и в привилегию для некоторых.)*

С самого начала истории на протяжении долгих веков принцип власти господствовал почти исключительно так, что принцип свободы в течение очень долгого времени не мог проявиться иначе,

¹ На обороте листка 273, на котором начинаются дальнейшие строки, Бакунин записал (13 марта 1871 г.), посылая мне этот листок и двенадцать следующих листков: «13 страниц с 273 по 285. Я еду завтра во Флоренцию, вернусь через 10 дней. Адресуй письма по-прежнему в Локарно. Когда ты уезжаешь? Жду известий от тебя. Обнимаю Швица (Швицгебеля). Твой М. Б.».